Послѣ конфискаціи II-ое изданіе.

Выходитъ
въ каждую пятницу.

Адресъ Редакціи и Администраціи:
„ЛЕМКО"
Горлицы.

Подписная цѣна на газету „ЛЕМКО" на цѣлый годъ:
Въ Австр.-Венгріи 4 К.
Въ Россію 2 руб.
Въ Америку 2 дол.
Поодинокій Н-ръ 10 г.
Объявленія по договору.

НАРОДНЫЙ ЕЖЕНЕДѢЛЬНИКЪ НА ЛЕМКОВСКОМЪ ГОВОРѢ.

Н-ръ 36. Горлицы, середа (8. окт.) 25. сентября 1913 года. Годъ III.

Отъ Редакціи!

Подаеме до вѣдомости нашихъ читателѣвъ, же почавши отъ 36-го числа газеты „Лемко" мѣсце отвѣчательного редактора займе г. Иванъ Андрейко.

Бывшій редакторь г. Дмитрій Вислоцкій взялъ собѣ увольненіе до Нового року. При томъ складаме г. Дмитрію Вислоцкому всенародне благодареніе за его мозольный трудъ якій положивъ при взорцевымъ выдаванію народной газеты. Счастъ му Богъ, штобъ набралъ новыхъ силъ а съ Новымъ рокомъ повернувъ дальше продолжати народне дѣло.

РЕДАКЦІЯ.

Сьвѣтло украинске на Лемковщинѣ.

На Лемковщину, котра остала ся вѣрномъ Св. Руси, заховала въ цѣлой чистотѣ память своихъ предковъ и стала ся твердымъ муромъ противъ ворогôвъ русского народа, біютъ съ цѣломъ силомъ ворогы — мазепинцѣ и придумуютъ всѣлякы способы, жебы подлы ихъ ученія розôшли ся по лемковскихъ селахъ, жебы затерти слѣдъ у Лемка горячой его любви до матери Руси, до его православнмй вѣры, а жебы въ его серце вчепити здраду, ненавѣсть до православной церкви — еднымъ словомъ, жебы зробити съ вѣрного Лемка здрадника — мазепинцю.

Съ початку думали порвати за собомъ Лемкôвъ съ помочію мазепинскыхъ священниковъ, але вѣрный своимъ переданіямъ, свойой русской идеи, Лемко познав подлу, низку науку своихъ лжеучителѣвъ и крикнулъ: прочь съ вашими науками іезуиты — мазепинцѣ!

И чижъ мôгъ Лемко такымъ украинскымъ егомосьцямъ вѣрити, што то піютъ якъ остатнѣ піякы въ жидовскыхъ шинкахъ, што то съ мѣста пяны идутъ впростъ до церкви отправляти Службу Божу! Чижъ мôгъ Лемко переняти ся науками егомосьцѣвъ, што то лѣтаютъ по селѣ съ револьверомъ въ рукахъ и грозятъ, же будутъ стрѣляти, а въ церквѣ на проповѣди кричатъ, же съ лемковской скоры будутъ керпцѣ шыти? И чижъ мôгъ Лемко въ украинскыхъ егомосьцяхъ видѣти ширителѣвъ Христовой наукы, што то пообкрадали бѣдного хлопа жыдовскими способами, а потомъ втекли до Америкы?

Нѣтъ! Лемко пôзналъ въ тыхъ лжеучителяхъ цѣлу подлость ихъ наукы, позналъ онъ въ украинскыхъ священникахъ такыхъ учителѣвъ — што то пришли лемковского хлопа убивати матеріяльно и морально.

Спостерегли тото и нашы бискупы, арцыбискупы, же зле зробили, же такыхъ священниковъ якъ Смолинскій, Дуцько, Кисѣлевскій и иншыхъ подобныхъ понасаджували по Лемковщинѣ. Выбрали отже такыхъ, што прешли правдиву іезуитску школу и приказали имъ южъ разъ зробити конецъ русскому Лемкови, бо южъ были певны, же тоты новомодны украинскы священникы іезуитскымъ способомъ потягнутъ за собомъ твердого Лемка. И тоты іезуиты, взоры найлѣпшыхъ, найчестнѣйшыхъ украинцѣвъ на свѣтѣ зачали голосити свои наукы по Лемковщинѣ, зачали бити головами въ церквѣ, три разы денно казаня гварити, а въ серцѣ думали: може хоцъ такъ ся намъ дастъ взяти закаменѣлого Лемка, не будеме, мыслятъ собѣ, ничъ мѣшати ся до политыкы, лемъ будеме старати ся съ початку позыскати вѣрность и любовь до насъ Лемка, а потôмъ якъ южъ того допнеме, то южъ зме дома, южъ не буде закаменѣлого Лемка, але буде чистый іезуитско-украинскій католикъ.

Але штожъ коли конецъ кôнцемъ украинска натура тыхъ егомосцѣвъ-іезуитовъ показала ся. Били головами, молили ся день и нôчь — лемъ кебы дахто видѣвъ и то ничъ не помогло — бо натура ихъ взяла верхъ — тай отворила ищы лѣпше Лемкови очы. Такымъ наприкладъ взôрцемъ — (бо не гвариме южъ о выже вспомненыхъ) найчестнѣйшыхъ украинцѣвъ былъ Стефанъ Малянякъ, парохъ въ Мацинѣ великой, повѣта горлицкого, о котрымъ помѣщане на другымъ мѣсци дописъ съ Вапенного, належащого до парохіи мацинской. Онъ то поступовалъ цѣлкомъ по іезуитски и такъ зо свойомъ натуромъ боролся ажъ отъ зимы, дальше однакъ не мôгъ вытримати, показалъ свôй украинскій характеръ, скривдивъ церковъ и селянъ и втюкъ до Америкы.

И якже можутъ быти лѣпшы украинскы священникы, коли ихъ головы съ Перемышля и зо Львова десятъ разôвъ гôршы!

Таке то есть сьвѣтло цѣлой — штучной украины! Прислотме лемъ ся на лемковскыхъ іезуитôвъ-украинцѣвъ, а треба все тото мати на оку, же до насъ заганяютъ найлѣпшыхъ и найчестнѣйшыхъ. Видѣте якъ то у нихъ на каждымъ кроцѣ лемъ здрада бере гору.

Мы однакъ повѣчме: — прочь мазепинцѣ-іезуиты! Мы пойдеме дорогомъ правды, не даме ся баламутити украинскымъ пройдисвѣтамъ. Най собѣ казаня гварятъ и десятъ разôвъ денно, най тамъ біютъ головами, а мы пойдеме такъ, якъ намъ

каже наше щиро русске серце, чого вымагатъ отъ насъ наша русска идеа, и станеме всѣ якъ еденъ мужъ въ оборонѣ нашой великой русской родины, въ оборонѣ нашой православной вѣры!

Католицизмъ, культура и политика.

Конфисковано!

СВЯТАЯ РУСЬ.

(ДАЛЬШЕ).

Между тѣмъ, ливонскіе рыцари ворвались въ предѣлы Псковской земли и заняли самый Псковъ. Многіе псковитяне кинулись въ Новгородъ, но Александра тамъ не было: недовольный новгородцами, онъ уѣхалъ отъ нихъ въ Переяславль, а литва, нѣмцы, чудь стали уже безпокоить земли новгородскія. Тогда архіепископъ со многими боярами отправились къ Александру и умолили его простить Новгородъ.

Съ его прибытіемъ все перемѣнилось. — Немедленно собралось войско и весело съ Александромъ пошло къ Финскому заливу и взяло поставленную нѣмцами крѣпость Копорье; потомъ нѣмцы прогнаны были изъ Пскова. Затѣмъ Александръ вступилъ въ Ливонію и нашелъ выгодное для битвы мѣсто на льду Чудскаго озера — еще крѣпкомъ (5 апрѣля 1242 г.). Нѣмцы врѣзались въ наши ряды, но Александръ ударивъ съ боку, смѣшалъ ихъ, сломилъ и истреблялъ рыцарей — а чудь грозно гналъ до вечера. Трупы чуди лежали на 7 верстахъ, пало 400 рыцарей. Начальникъ ордена съ трепетомъ ожидалъ появленія Александра подъ стѣнами Риги и умолялъ короля датскаго о помощи.

Однако, Александръ, довольствуясь страхомъ нѣмцевъ — вложилъ мечъ въ ножны, вернулся во Псковъ. Плѣнники нѣмецкіе шли съ потупленными глазами, въ своей рѣцарской одеждѣ за нашими всадниками. Съ крестами и пѣніемъ церковнымъ встрѣчало послѣ Ледоваго побоища побѣдителя духовенство, народъ страмился къ нему толпами, называя отцомъ и спасителемъ.

Затѣмъ заключенъ былъ съ рыцарями выгодный миръ.

Вскорѣ литовцы завладѣли Торопцомъ. Александръ пришелъ и истребилъ ихъ во единаго. Возвращаясь съ малой дружиной — онъ увидѣлъ новыя толпы непріятеля и разсѣялъ ихъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней онъ одержалъ семь побѣдъ надъ литовцами.

Но Богъ готовилъ Александру высшую славу — побѣду духовную надъ самимъ собой. Этой великой душѣ назначено было показать самую рѣдкую и трудную добродѣтель: смирить себя безпредѣльнымъ смиреніемъ, забыть голосъ своего самолюбія и цѣною своихъ униженій сохранить родину.

Еще прежде, чѣмъ престолъ великокняжескій перешелъ къ Александру, онъ долженъ былъ отправиться на поклонъ къ Батыю.

Слава объ Александрѣ и удивленіе ему — достигали вообще отдаленныхъ странъ, до насъ дошелъ отзывъ одного чужеземца: „Я прошелъ многіи страны, знаю свѣтъ, людей и государства, но съ изумленіемъ видѣлъ и слушалъ Александра Новгородскаго".

Вообще, бывалые люди говорили — что не встрѣтить подобнаго Александру мужествомъ и видомъ: ни въ циряхъ — царя, ни въ князьяхъ — князья. Его достоинства возвышались тѣмъ, что онъ не кичился ни положеніемъ, ни дарами внѣшними, ни умомъ, а со всѣми былъ привѣтливъ, всѣмъ былъ прибѣжище. И надъ всѣми его добродѣтелями, какъ и во дни юности, выдѣлялось благочестіе.

Русскіе гордились Александромъ — называя его независимымъ княземъ — и стращали имъ татаръ.

Слыша много объ Александрѣ, Батый велѣлъ сказать ему: „Князь Новгородскій, извѣстно ли тебѣ, что Богъ покорилъ мнѣ множество народовъ. Ты ли одинъ будешъ независимымъ? Если хочешъ властовать спокойно явись въ моемъ шатрѣ„.

На этотъ зовъ можно было отвѣтить гордимъ отказомъ и подвергнуть за то всю Русь гнѣву Батыя и опустошенію. Александръ же любилъ Россію болѣе — чѣмъ княжескую и богатырскую честь, и сознательно вступилъ на тотъ путь само-

Конфисковано!

Не будуйме Полякамъ „kościółki“.

Засъ призералисме ся на Русснаковъ, што то разомъ съ Мазурами тягнули на польского Михаила до Кобылянки на отпустъ. Што правда менше якъ по инши роки, але все еще идутъ.

Пытаме ся васъ, по што властиво тамъ идете? Чи поляки идутъ на русски отпусты? Та чи вы принайменше розумѣете латинскы набоженства? Видѣте якы сте вы ищи нерозумны. Мы не хцеме черезъ тото выступовати противъ польской вѣры, але зо свойой страны повѣме, же моленія, якы вы отправите въ своихъ русскихъ церквахъ въ щиро русскихъ словахъ будутъ щирши, а черезъ то милѣйши Богу. Величаймо Бога русскими пѣснями!

А дальше якій вы ударъ наносите русскому народу черезъ то, што волочите ся по польскихъ отпустахъ?! Тамъ складате грайцарики на офѣру — а ляхи за тоты русски пѣнязѣ будуютъ по русскихъ мѣсцевосцяхъ — „kościółki“ и ширятъ польщу.

Дальше складате польскимъ іезуитамъ жертвы, а на подякованье чуете отъ нихъ слова, въ котрыхъ выступаютъ противъ нашой православной вѣры — а въ Кобылянцѣ на отпустахъ вошло и въ звычай польскимъ іезуитамъ, же перетѣгаютъ съ русской вѣры на польску.

Идете отже на отпуста польски продавати свою святу православну вѣру, а потômъ своими грошами будуете „kościółki“ и школы польскы, охронкы и т. д., и нарѣчете, а сами того не знате, же черезъ свою глупоту винни сте собѣ самыиъ. — Часъ бы ся южъ разъ пробудити!

А при томъ отзываме ся и до нашихъ егомосьцѣвъ, жебы были ласкавы бôльше заняти ся своими овцами, жебы не блудили по Кобылянкахъ, Габолтовахъ, Старыхъ селахъ и иншыхъ.

Per aspera ad astra!

(Посвящено русской студенческой молодежи.)

Насталъ ужъ феріямъ конецъ
и книги въ руки мнѣ дали.
Учись мой сынъ — сказалъ отецъ
до Бога мудрости моли!

И далъ онъ мнѣ такой законъ:
чтобъ помнилъ кѣмъ я былъ рожденъ,
во мнѣ чтобъ не остыгла кровь,
къ гонимой матери любовь!

Учись ты племя молодое;
наука и усильный трудъ
добро тебѣ вѣдь дать могутъ.
Настанетъ время золотое
и для тебя когда-нибудь.

Учись, но помни, не забудь
въ разпредѣленіи часовъ
вписать и русскій свой языкъ.
Пора уже, чтобъ ты привыкъ
къ звукамъ великорусскихъ словъ.

Достойно чести береги
Руси святой младенецъ ты.
Своей исторіи учи
тебя моложе всѣхъ орлятъ
дѣтей прадѣдовской мечты,
чтобъ вѣдалъ нашъ проклятый катъ,
что **есть кому ити подъ ножъ,**
что намъ незнакомъ страхъ и дрожь!

. . . .

Теперь пока еще учисъ
да выже, чѣмъ разъ выже рвись
на вершину высокихъ скалъ,
откуда-бъ падлыхъ презиралъ!

уничиженія для спасенія родины, отъ котораго его освободила лишь смерть.

Онъ отправился къ Батыю, который ласкаво принялъ его и сказалъ, что молва не увеличила его достоинствъ. Онъ съ удивленіемъ внималъ его мудрымъ рѣчамъ, горѣвшимъ любовью къ родинѣ.

Изъ орды надо было ѣхать далѣе, въ Татарію, къ великому хану. Это было ужасное путешествіе. Простясь съ отечествомъ на долгое время, надо было терпѣть голодъ и жажду, отдыхать на снѣгу или раскаленной землѣ. Кругомъ одна безотрадная унылая степь, усѣянная костями путниковъ. Вмѣсто селеній — одни кладбища кочующихъ племенъ. — И въ этомъ бозотрадномъ пути мучительныя думы о своемъ униженіи, бѣдствіи отечества, воспоминаніе объ отцѣ, умершемъ въ такомъ же путешествіи въ безпріютной степи...

Ханъ отнесся къ Александу съ благоволеніемъ и поставиль его надъ всею южною Россіей. Къ этому же времени относится посольство папы къ Александру.

Папа римскій прислалъ Александру письмо, съ убѣжденіемъ принять католичество, обѣщая ему за то помощь. Не надменно, но твердо отвѣтилъ папѣ князь: „Мы знаемъ истинное ученіе Церкви — а вашего не пріемлемъ и знатъ не хотимъ“.

Вскорѣ послѣ возвращенія Александра въ Новгородъ, при общемъ ликованіи города, онъ опасно (1251—1252 г.) занемогъ. Вся русская земля съ трепетомъ ждала исхода болѣзни и неотступно молилась за него. — Онъ былъ надеждою Россіи. Его дѣлали безконечно дорогимъ народу и прежнія его незабвенныя побѣды, и обнаруженное имъ теперь умѣніе обходиться съ татарами, и его сострадательность. Онъ всячески благотворилъ бѣдствующимъ, посылалъ въ орду золото для выкупа плѣнныхъ. Богъ услышалъ всенародную молитву, Александръ выздоровѣлъ. Скоро онъ былъ признанъ великимъ княземъ.

При общемъ ликованіи въѣхалъ онъ въ Владиміръ и сталъ продолжать дѣло отца: заживленіе прежнихъ ранъ. Когда въ 1256 г. шведы, финны и нѣмцы явились на берегахъ рѣки Наровы, встревоженные Новгородцы послели за Александромъ, и онъ повелъ рать и опустошилъ значительную часть Финляндіи.

Это было послѣднимъ военнымъ подвигомъ Александра.

Умеръ Батый, и Александръ долженъ былъ отправиться къ его преемнику въ орду, которая навсегда осталась кочевать въ окрестностяхъ Волги и Дона. Тутъ тщетно просилъ онъ освободить сѣверныя княжества отъ обложенія подушною данью, подобно тому, какъ еще раньше были обложены южныя. Вскорѣ были посланы татарскіе чиновники въ области: Суздальскую, Рязанскую, Муромскую и переписели жителей.

Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ Александръ совершилъ новое путешествіе въ орду: теперь обложенъ былъ поголовною данью и Новгородъ, и великому князю предстояло дѣло, мучительное для его чувствъ. Ему, прославленному поборнику новгородской вольницы и чести, предписывали теперь склонить къ рабству гордый, пылкій народъ, который величался своею независимостью. Что переживалъ въ эти дни Александръ, извѣстно одному Богу.

Въ 1259 г. съ татарскими чиновниками онъ прибылъ въ Новгородъ. Жители пришли въ ужасъ. Какъ ни уговоривали нѣкоторые граждаое смириться, народъ отвѣчалъ грознымъ воплемъ, умертвилъ посадника и выбралъ другого. — Юный князь Василій Александровичъ уѣхалъ изъ Новгорода во Псковъ, объявивъ, что не хочетъ повиноваться отцу, везущему съ собою оковы и стыдъ для людей вольныхъ. Хотя новгородцы и отпустили чиновниковъ татарскихъ съ дарами они рѣшительно отказались отъ дани.

(Дальше буде.)

Дописи.

Вапенне.

Всюда, где лемъ глянешъ, то украина горою, хто што зробить — то все украинецъ-мазепа, якъ не свѣтскій козачокъ, то духовный, жебы слава украины не загинула.

Вотъ снова маемо въ особѣ ксенжуня Стефана Маланяка, пароха въ Мацинѣ великой, котрый що ино ту пришолъ, бо только въ марти 1913 г. заразъ показалъ, що то не абы якій священникъ, бо и такъ ся здавало. Но то неправда, бо то украинецъ то все якъ той хытрый лисъ, по троха, тай найперше забралъ ся до парохіяльного лѣса, знищивъ все въ протягу колька мѣсяцей, дальше понапожичалъ грошей отъ поодынокихъ господарей, не забывъ и о церковныхъ грошахъ и тамъ бракуе колька сотъ коронъ.

Въ сусѣднымъ мѣсточку въ Горлицяхъ понабералъ меблей, нибы то все, же въ короткимъ часѣ заплатитъ. Якъ уже все было готове выславъ свою еймосць нибы то на лѣченье до Трускавца до купелей, самъ спродалъ коня, возокъ, коровы — тай по ксенжуню... чахъ до Америкы.

Тожъ людоньки уважайте добре на такыхъ добродѣевъ. Отъ и маемо снова Кисѣлевского.

„Нетрусъ“.

Письмо изъ Америкы.

Бѣда братя! бѣда у васъ, бѣда оно и у насъ. Но що можна зробити той бѣдѣ, коли она така сильна — що цѣлого свѣта не боится.

Бѣда съ нашимъ народомъ, Зле тому русскому хлопу — що якъ билина въ поли пропадае. Треба душу покласти за тыхъ чорнорабочихъ невольниковъ, що потъ и кровъ кладутъ на то, щобы ляхъ и жидъ вдодатку украинець могъ пановати на русской земли!

И за тѣмъ словомъ стае кто? Стоятъ нашіи борцы русского народа, редактори нашихъ русскихъ газетъ и борутся яковъ тота пчилка изъ медомъ вертаюча изъ медовихъ цвѣтовъ до своего улія. А усе тота пчилка робитъ то по заряджeню своей матки.

Такъ само видиме роблятъ нашіи русскіи редактори по заряджeню матери. Якои? Матери св. Руси.

Болитъ сердце, коли приходится писати о нуждѣ нашого русского мужика. Но и що можна тому зарадити — коли просится мужика не иди тамъ — де не учуешъ слова того, которое всѣхъ насъ розвеселяе, а слово тое то: Русь одна недѣлима, свята на землѣ такъ якъ Богъ на небѣ.

А тутъ нужда, тутъ бѣда — повень забрала всей доробокъ чорнорабочого мужика; горе и горе мужикамъ. — Тутъ ничимъ оплатити газету, однимъ словомъ цѣлый галицкій рай. И середъ найтяжшихъ гоненій изъ стороны правительства ляховъ, а найбольше изъ стороны ново основанои еры украинѣзма, якои никто не чувавъ въ нашой Галичинѣ. Приходитъ нашимъ мужикамъ чорна голодаюча смерть иде продавати остатки и утѣкати заморе до Америки — иде до Канади зо свого родного краю Галичини.

Но щожъ братя русскіи мужики — не будемъ бити о камѣнь головою, бо то ничъ не поможе. Мусимъ бѣдовати такъ долго, поки не перебудемъ всей бѣди.

Колижъ конецъ буде той мужицкой бѣдѣ. Охъ! братя я незнаю.

Здаесь менѣ, що тогда якъ поумераемъ. Та гдежтамъ, таже и тамъ треба буде бѣдовати, бо чоловѣкъ бѣдный, то до того и грѣшный. Ой Боже мой Боже, бѣдный ты мужику, бѣдный, во вѣки ты бѣдный!

Но и щожъ, не такіи были часи для насъ. Сотки разовъ огонь нищилъ нашіи русскіи стрѣхи, вода топила наши нивы, вѣками ляла ся кровъ по татарскихъ ясирахъ, гибли наши люди, а однакъ мы не пропали, не угнулися. Якъ муравель двигалися мы въ передъ и жіемъ, та перебудемъ не одну еще бѣду.

Чого намъ треба? треба намъ вѣрнихъ и щирихъ правдиво русскихъ борцѣвъ народа — подобныхъ якъ былъ незабвенной намъ святои памяти — Ив. Наумовичъ, который дбалъ о мужиковъ такъ, якъ дбае добрый батько о свои дѣты. Но мы тихъ подобныхъ Ив. Наумовичу мало и то дуже мало маемъ.

Пронись, проснись уже разъ Руссе зо сна. Ура на бой, разомъ друзья. — Ставаймо братя, солнце уже високо, другіи народы уже обробили свою нивку, а наша пусткою стоитъ. Чижъ то не встидъ для насъ, тажъ и мы народъ, сотвореніи на образъ подобіе Боже, чомужъ намъ не постояти за собою. Христосъ сказалъ въ своимъ ученію до своихъ учениковъ, що здѣлаете нисшимъ, то здѣлаете и менѣ. Но тѣ що луплятъ изъ нисшихъ шкѣру, то певно по глаголу Христовому луплятъ изъ самого Христа Спасителя. — Но дай того намъ ума — щобы духъ Христовый просьвѣтилъ всѣхъ, щобы съедналъ всѣхъ щобы соединилъ всѣхъ въ едно стадо любовное, щирое, овѣяное русскимъ духомъ, по души и убѣжденію истинно на русскомъ русскимъ правомъ. Того отъ серця и души желаю

П. А. Андрейко.

Хлопе варуй ся украинцевъ!

Писмо зо Львова.

Дня 30 вересня н. ст. судили присяглы судіи во Львовѣ двохъ украинцевъ, студентовъ зо шестой кляси украинской гимназіи. Еденъ зъ нихъ зове ся Михавъ Залужный и есть сыномъ егомосьця — другый Стефанъ Подгородецкій, сирота по учителю.

Справа ся такъ мава. Залужный бавивъ ся по Львовѣ, розбивавъ выгляды по нашихъ бурсахъ — при украинскихъ професорахъ вызывавъ нашихъ студентовъ и знущавъ ся надъ ними, а за тото вшитко украинцѣ називали го своимъ патріотомъ (бо въ нихъ каждый збуй и злодій, то патріота), а якъ въ зимѣ заносило ся на війну украинцѣ заложили нѣбы то украинскье войско, та Залужного зробили комендантомъ. Залужный ищи больше ся зачавъ паношити и покупувавъ сой розмаѣты рѣчи, якъ бицикель, санка за 30 кор. и таке инше.

Але хоцъ професоры на вшитко презъ пальцѣ ся смотрѣли, што Залужный робитъ — та и такъ не могли му дати доброй клясы, бо бы мусѣли южъ вшиткымъ дати таку клясу.

На першій курсъ въ шестой клясѣ Залужный доставъ двойку и треба было заплатити кару школьну 40 кор. Отецъ давъ ему гроши, але вонъ гроши тоти промарнувавъ и зачавъ мыслѣти, якъ бы танѣмъ коштомъ гроши роздобыти, бо такъ роблятъ вшиткы украински патріоти. Змовивъ ся съ Подгородецкимъ, котрый мешкавъ у неякой Врублевской, же оба вкрадутъ отъ ней съ куфра гроши. Подгородецкій мавъ дати Залужному ключь отъ станціи, але потомъ размышлѣвъ ся а ключа му не давъ.

Товдывай Залужный самъ пѣшовъ до помешканя Врублевской, запукавъ до дверей а якъ Врублевска вышла, жвѣдавъ ся, ци то ту мешкатъ его колега, котрый естъ урядникомъ.

Треба знати, же Залужный переодѣвъ ся въ звычайне убранье, а студентскій мундуръ и шапку завинувъ до папера и зробывъ собѣ зъ него пакунокъ.

Подчасъ бесѣды съ Врублевскомъ Залужный повѣвъ, же барзъ голодный, бо ищи рано выѣхавъ зъ дому отъ Станиславова. Старенкая, бо 69-лѣтная Врублевска пошва до кухнѣ и зробива для Залужного каву и дава му ся напити. — Якъ лемъ выпивъ каву, прискочивъ Залужный до Врублевской, зѣмавъ ей еднomъ рукомъ за гыртанъ — шмаривъ на постель, а другомъ рукомъ вынявъ зъ кѣшенки ключь отъ сьрубъ и зачавъ ей бити нимъ по головѣ. Якъ стратива южъ притомность, лишивъ ей на подлозѣ, а самъ отворивъ куферъ, въ котромъ быво двѣ стовки и зачавъ глядати грошей.

Тымчасомъ Врублевска пришва до себе и подняла голову. Якъ тото вздрѣвъ Залужный шмаривъ ся засъ на ню, znявъ катульку до кѣста и такъ долго бивъ ей по головѣ, ажъ зальана кирвьомъ впава на землю.

Сусѣде зачули йойки и стогнанье и зачали заглядати презъ выглядъ до помешканя. Якъ тото Залужный зауважавъ скоро взявъ шапку и пакунокъ и вышовъ до сѣней, де го полиціянтѣ арештували. До вшиткого въ судѣ ся признавъ, бывъ засудженый на три рокы криминалу.

Видите люде, якъ то въ тыхъ украинскыхъ школахъ выховуютъ дѣти. Мате барзъ добрый прикладъ на Залужномъ. Отецъ его есть егомосьцьомъ и поряднымъ човекомъ, а сынъ, котрого дававъ до украинской гимназіи, а на станцію до украинской бурсы, збуйомъ и рабусьомъ. Тому не виненъ никто, лемъ украинска бурса и школа. Якъ бы въ бурсѣ и въ школѣ не чувъ заедно, же бити, то не грѣхъ, же найбольши украински патріоты, то найбольши злодіи, а и такъ до криминалу ихъ не берутъ, якъ бы го вчили, же Бога треба шанувати не лемъ на словахъ, але и на дѣлахъ, якъ бы вщепляли му любовъ до Бога и до людей, та будте певны, жебы такого лайдацтва ся не допуствъ. Вонъ вправдѣ чувъ, якъ тамъ украинецъ-егомосць въ церкви кричавъ о Бозѣ и о Украинѣ, але тыжъ видѣвъ, якъ тотъ самъ егомосць поза церквіомъ што инше и бесѣдувавъ и робивъ; онъ видѣвъ, якъ украинецъ-егомосць въ церкви гамбомъ рушавъ и на вшитки сто-

роны ся кланявъ, але вôнъ тыжъ знавъ о тôмъ добрѣ, же тото вшитко то лемъ про око. И за то сьмѣло ишовъ и мордувавъ стареньку невинну женщину. Длятого русскій хлопе лемку тямъ сой о тôмъ и якъ машъ дѣиину, а не хочешъ, жебы была подôбномъ до Залужного — варуй ей отъ украинскихъ учителѣвъ, егомосцѣвъ и бурсъ.

„Лемко“.

НОВОСТИ.

(Отъ Редакціи.)

Въ 35 числѣ газеты нашой барзъ ся не сподобала пану старостѣ статья „Органы и бубны“ и взявъ тай сконфисковалъ, а до того наробилъ намъ барзъ вельки кошта, бо заказъ высылки газетъ отрималисме за пôзно, якъ южъ мализме высылати, а пôсля прислугуючого намъ права мають дати намъ знати до 24 годинъ. Ну але штожъ робити, кедъ ся нами такъ панъ староста опѣкуе и не дае намъ можности познати ближе латинске набоженство. Видно ся боитъ, же бы ся намъ барзъ не сподобало, та жебисме не прешли на латинскій обрядъ.

Барабы - злодѣе. Въ Поворознику, коло Мушины, передъ кôлькома днями вкрали въ ночи съ суботы на недѣлю незнаны барабы-злодѣе тамтейшому дякови коня, котрый вартавъ 300 К. Тоты самы злодѣе пôшли до другого газды — што мавъ зграбный возикъ, тамъ запрягли собѣ до него коня — и поѣхали на Угры. Пошукуваня оказали ся до того часу даремными.

Смерть отъ палюнки. — Съ Ропы, горлицкого повѣта, ишли два поляки — робôтникы въ сторону Крыницѣ. — По дорозѣ не омѣяли нигде корчмы, лемъ всяди вступовали тай попивали. Пôдъ вечеръ пришли до Баницѣ, где вступили тѣжъ до корчмы собѣ попити и взяти до фляшки палюнки, жебы мати на дорогу. Але правѣ якъ ишли черезъ лѣсъ въ ночи, шмарило еднымъ съ нихъ Яськомъ Крокомъ на стежку и згинувъ на мѣсци. Гварятъ, же ся въ нимъ запалила палюнка.

Коза зѣла пѣнязѣ. — Въ Прусахъ еденъ селянинъ продалъ быка за 300 марокъ. Пѣнязѣ тоты въ паперахъ лишивъ въ хижи на столѣ и вышовъ на двôръ. Якъ ся вернувъ, заставъ лемъ еденъ паперъ за 100 марокъ, а два таки самы згинули безъ слѣда. Пôдозрѣня впало на козу, котра тамъ была, и длятого заразъ ей зарѣзалъ. Въ жолудку ей нашовъ кавальчики своихъ банкнотôвъ. На щастье нумера можна было ищи отчитати. Селянинъ пôшовъ заразъ до банку, а тамъ якъ выслѣдили цѣлу справу, звернули му его гроши.

Убійство. Въ понедѣлокъ рано 22 вересня того року нашли въ Горлицяхъ недалеко торговицѣ на худобу забиту бабу, а при ней барзъ дуже камѣня и двѣ фляшки.Назлѣтувало ся дуже люди, съ котрыхъ еденъ жыдъ позналъ свои фляшки, што у него вчера вечеромъ куповалъ палюнку господарь, што естъ на польской плебаніи въ Горлицахъ. Заразъ полиція пôшла въ вказане мѣсце и нашла того убійцю. Одѣня на нымъ было покырвавлене, а навѣтъ мавъ кровъ за пазурами. Заразъ взяли го до суду передъ слѣдство. Онъ вправдѣ ся таилъ, але зо слôвъ и зо захованя ся его добре пôзнали въ нимъ убійцю и заарештовали.

Причину убійства ищи не знати. — Гадають люде же они, т. е. тотъ убійця и убита баба вѣчно пили по Горлицяхъ, пакъ засъ ся били.

Убійство было барсъ страшне. Коло 50 разъ вдаривъ ей каменьомъ южъ по смерти и поторгалъ ей декади тѣло.

Тайне дѣло. 11 вересня того року пропалъ безъ слѣду 32-лѣтній Викентій Галюсъ, господарь изъ Яськовичъ, вадовицкого повѣта; 16 вересня т. р. нашли го мертвымъ въ рѣцѣ Сосновцѣ. Здае ся же былъ забитый. — Яко пôдозренны въ убійствѣ сутъ — его жена, тесьцьова и швагеръ забитого, понеже за житя зо собомъ жили въ незгодѣ.

Пôдозренныхъ арештовано.

Хтѣвъ ся застрілити. Въ минувшій Понедѣлокъ рано хтѣвъ ся позбавити житя въ своимъ власнымъ помешканю въ Станиславовѣ капитанъ 20 полку краевой обороны, Карлъ М. Куля скерована до серця застряла межи ребрами — тай зоставъ ищи при житю але барсъ тяжко покалѣченый. — Причины того поступка незнаны.

Взявъ войскову фану. Передъ кôлькома днями влетѣлъ на двôръ цѣсарского „Burg“-а якійси пяный уличникъ, хватилъ войскову фану и гайда на улицю. — Але его схватили и запытали ся, што ôнъ съ тымъ хтѣвъ доказати; ôнъ отповѣлъ же постановилъ собрати вельотысячну толпу людей и устроити цѣсарови манифестацію. Гварятъ, же то былъ варіятъ.

Учителе стараются о пенсію. Тыми днями была депутація учителей у намѣстника и просила го о подвызшеніе пенсіи, але намѣстникъ отказалъ ей и сказалъ, же то належитъ до сойму. — Рôвночасно просилъ членôвъ депутаціи, жебы кусъ были терпеливы.

Страхъ предъ холеромъ. Холера ширитъ ся дальше по краяхъ полудневыхъ нашой монархіи, въ Хорваціи, Славоніи, Венграхъ и и. Въ Галичинѣ стверджено выпадкы холеры въ скольскимъ повѣтѣ, где въ селѣ Опорецъ пару людей захоровало, а также и вмерло.

Австрія и Россія.

Австрійски диплъоматы пригнетены тяжкимъ финансовымъ положеніемъ нашей державы стараются южъ отъ долшого часу приближити до Россіи, яко державы, котрой интереса найбôльше сходятъ ся съ интересами австрійскими на Балканахъ, штобы тымъ способомъ свободнійше могли вести свою политыку, увôльнивши ся отъ покровительки балканскихъ славянъ.

Якъ звыкло такъ и теразъ розпочинають цѣлу акцію газеты, штобы найсамперед позыскати собѣ народъ, а потôмъ зачинають гварити дипломаты.

Вѣденски газеты, тоты самы, што перше на гвалтъ кричали на Россію и домагали ся вôйны съ ньомъ, южъ змѣнили свôй тонъ и зачали величати русскій народъ, яко великій и могучій народъ, котрый выдавъ мыслителѣвъ свѣта, котрого пѣсня розôшла ся по цѣлымъ свѣтѣ, котрого земля есть правѣ безъ границъ — съ такимъ народомъ треба намъ конче помирити ся — бо нѣтъ интересу жити съ нимъ въ незгодѣ — пишутъ.

А чтожъ на то гваритъ русскій народъ черезъ свои газеты?

Русски газеты показують Австріи — исторію, тоту научительку житя и припоминають ей, яки то были южъ меже Австріомъ а Россіомъ порозумѣнія и якъ Россія на нихъ вышла. Пригадують, якъ то было порозумѣніе ихъ противъ Турціи въ давныхъ часахъ, коли Россія мусѣла вѣчно съ Турками вôйну вести и гварятъ, же выправили ся разомъ противъ нихъ, а якъ пришло до вôйны, южъ треба было и противъ Австріи вôйско вести, бо та остатня перескочила на сторону Турціи.

Дальше пишутъ русски газеты о — 1848 роцѣ, коли то русскій народъ спасъ Австрію отъ неминутого розгрома, а нагороду доставъ за то о шесть рокôвъ пôзнѣйше, въ часѣ вôйны крымской — коли то Австрія такъ само, яко союзникъ Россіи, перекинула ся на сторону Турціи.

„Австрійцы не любятъ припоминати собѣ о тôмъ, якъ то цѣсарь Францъ Іосифъ въ молодости своей прикладавъ ся до рукъ цара Николая I. въ Варшавѣ — дякуючи му за спасеніе престола; але русскіи люди не можутъ того забыти — якъ австрійска неблагодарность „задивила цѣлый свѣтъ“ — пише найвекша русска газета „Новое время“.

Въ концѣ русски газеты заявляютъ, же ищи достъ дуже воды преплыне въ рѣкахъ, нижъ въ Россіи хоцъ троха повстане мысли о довѣрію до австрійскихъ политикôвъ.

И такъ южъ пропала згода меже Австріомъ а Россіомъ. — Русскій народъ вырихтуваный неразъ черезъ Австрію не хце ани мыслити о згодѣ съ ньомъ яко тôмъ державомъ, где переслѣдуе ся безъ кôнца и мѣры русску православну вѣру, где южъ полтора року сѣдятъ задармо, бо ани не знають за што, мученики за святу православну вѣру, где права русского народа сутъ потоптаны.

Не тади дорога австрійскимъ дипломатамъ.

Конфисковано!

Конфисковано!

И въ самой службѣ Божой есть приказъ-возваніе къ молящимся, когда священникъ спѣваетъ: Рцемъ всѣ отъ всея души нашея и отъ всего помышленія нашего! То значитъ, молимся-говоримъ, спѣваймо всѣ — кто только есть тутъ съ нами въ церкви разомъ. И молимся щиро отъ всей души нашей — то есть цѣлой душею, цѣлымъ сердцемъ.

Молимся всѣмъ помышленіемъ нашимъ, то есть о ничымъ иншымъ не думаймо теперь — якъ только о Богу и молитвѣ, якъ только о тымъ, што мы молимся до Бога Всевышняго, а не мыслити о жадныхъ мѣрскихъ рѣчахъ — о музикахъ, бубнахъ, дзвонкахъ. Не вôльно занимати ся ничымъ, только молитвою тою, што всѣ разомъ молятся, спѣваютъ.

Же католики смѣются съ насъ, же у нихъ молится каждый, якъ хто хоче, а мы только „Господи помилуй“ — то только длятого, же не розумѣютъ, чомъ то такъ. Рѣчь въ томъ, якъ я уже сказалъ, що у насъ каждый долженъ слушати и розумѣти, що говоритъ и спѣвае, о чымъ молится священникъ. И священникъ молится о всѣхъ нуждахъ и потребахъ нашыхъ — а мы съ нимъ просимъ разомъ голосно Бога о милосердіе надъ нами. Отже молитва „Господи помилуй“ повтаряе ся только между иншими молитвами и лучытъ ихъ всѣ разомъ въ одну велику цѣлость, только що мы тыхъ другихъ молитвъ не спѣваемъ всѣ голосно, только спѣваетъ ихъ самъ — священникъ або діяконъ.

Конфисковано!

Конфисковано!

Тутъ скончили молодый господинъ оповѣдати, а съ насъ каждый лемъ собѣ йойкнувъ и ажъ теперь одôтхнулъ свобôдно, такъ мы всѣ слухали. И любо было послухати.

И говорю я сейчасъ. — Е! жебымъ бывъ зналъ о томъ перше, тобымъ заразъ Анткови отпаливъ, чомъ то католики маютъ органы въ костелѣ?! Але пропало, откаль емъ мавъ знати, якъ мня нихто не научилъ.

Поросходилисме ся. Черезъ дорогу ишовъ я, тай собѣ думамъ — якій то чловекъ живина не зна ничъ, а мнѣ ся знате подобали органы, монстранціи, та часто заходилъ до костела до Яслискъ, бо тамъ гарнѣйше якъ въ насъ, бо на органахъ граютъ.

Якій я глупый бывъ?! Чуже хваливъ, а свого не знавъ. — Теперь то южъ не пôйду. Гм... то якъ разъ чловекъ що послухатъ годного, то ся дуже навчитъ. — Днесь при недѣли бывъ я въ церквѣ и всьо мнѣ ся знате то припомнуло — тай взявъ списавъ и выславъ до „Лемка“. — Мышлю собѣ хоцъ мнѣ стыдно, але най ся други навчатъ. Якъ бы ся кому такъ якъ мнѣ притрафило, жебы знавъ што отповѣсти.

Пращайте! — а пиште якъ вамъ ся тото мое писмо сподабало.

М. Невѣжда — бѣля Язлискъ.

Лемковски Пѣснѣ.

I. Парубоцка сьпѣванка.

Ишолъ сомъ одъ милой,
Заблудилъ емъ.
Засталъ емъ лежащу
Подъ ядловцемъ.
Гоя, гоя, подъ ядловцемъ!

* * *

Але тотъ ядловецъ
Вôнъ добре зна,
Же мою миленьку
Южь иншій ма.
Гея, гея, южь иншій ма!

* * *

Кедъ ей взялъ, мѣ ей взялъ,
Най сой ей ма,
Най я го не виджу
Предъ очима.
Гоя, гоя, предъ очима!

* * *

Бо мои оченька
Якъ воробецъ,
До мня ся усьмѣхне
Каждый хлопецъ.
Гея, гея, каждый хлопецъ!

* * *

Бо мои оченька
Яко врана,
До мня ся усьмѣхне
Кажда панна.
Гоя, гоя, кажда панна!

* * *

Радоциньска карчмарка
Пива налій,
Я ты го заплачу
Хоцъ я малый.
Гея, гея, хоцъ я малый!

* * *

А хоцъ я маленькій
Пѣнязи мамъ,
Я ты го заплачу
Якъ каждый панъ.
Гоя, гоя, якъ каждый панъ!

* * *

Радоциньска карчмарка
Пива несе,
Радоциньски хлопци
Напійте се.
Гея, гея, напійте се!

Изъ „Народныхъ Вечерницъ“ — сообщилъ Теофилъ В. Курилло.

II. А тамъ доловъ...

1. А тамъ доловъ при Дунаю*)
Тамъ касарня мурована:
Была моя головенька
Вѣрнѣ заторбувана...

*) Варіянты: 1) Fr. Bartos, Narodni pisne moravske. сторона 374, ч. 634.
2) Володиміръ Гнатюкъ: Етнографічний Збірникъ, Т. IX, 1900, сторона 218, ч. 3.

2. Была она торбувана
Отъ самого капитана,
Южъ то инакъ не може быцъ,
Лемъ я воякъ мусимъ быцъ.

3. Южъ соненько, южъ съ за горы,
Южъ съ за горы выходитъ,
Южъ мѣ моя наймиленьша
До касарни приходитъ.

4. Пришла она до касарни,
Стала собѣ при постели,
Дали мы сой пару словесъ:
Такъ, ты мя не сп573м573ожешъ.

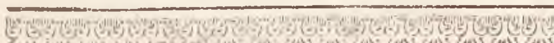
* * *

Хоцъ бысъ дала душу за ня,
Съ войны мя не выменишъ!

5. Южъ мой коникъ у наштальнѣ
И скôреньки съ острожками,
Южъ то инакъ не може быцъ,
Лемъ я воякъ мусимъ быцъ.

Изъ „Народныхъ Вечерницъ“ — сообщилъ Т. Курилло.

ПРОСИТСЯ О ЖЕРТВЫ
на
„ЛЕМКОВСКІЙ НАРОДНЫЙ ФОНДЪ“
Жертвы посылати на адресъ:
„ЛЕМКО“
ВЪ ГОРЛИЦЯХЪ.

Надѣли сой мазепинцѣ козацку одеджу,
Тай лемкôвску съ крикомъ-гукомъ преступили меджу.
Хтѣли вѣру „инаЧити“ русскость законати
Нашу святость одобрати асвою намъ дати

Лемъ-же лемкы ся збачыли, бо тварь не козацка,
Але „пика“ Русьздрадника „льокайско-нѣмецка“
А съ такыма русскы лемкы никусъ не шпасують...
Небораки „мазепинцѣ“ съ йойкомъ отлѣтують...

САТИРА, ГУМОРЪ, ЗАБАВА.

Писмо Ваня Гунянкы

Слава Iисусу Христу!

Но, хвала Богу, и Его Угодникамъ, свѣтитъ намъ сонечко. — Мало грульокъ пôдъ натиномъ, мало — але хоцъ ся не бабре! Бо якъ бы такъ ищи до того ляло при тыхъ зболѣвыхъ комперѣкахъ, та лемъ плачъ человече, бо бы решта догнила, ани на вилію бы не было до келицѣ! А такъ ищи все хоцъ на пресмакъ. Што правда, не будеме ѣсти три разы дня, але разъ, дехто на тареликъ а декому и на миску выстарчитъ. Хто садивъ на горбкахъ, та теперь панъ!

Двѣ рѣчи сутъ на свѣтѣ, безъ котрыхъ нашъ хлопъ бы не выживъ: Америка и компери! Якъ бы не тоты миліоны, котры приходятъ до нашихъ гôръ, та кôлько бы то люди съ торбами пôшло! А мусѣли бы ити по жебраню на Венгры, на Мораву, або даде до Прусъ, бо ту не было бы въ кого выжебрати. Америка для насъ, то велика рѣчь! Друга велика рѣчь, то грульки: Якъ тотъ грульокъ ся не вродитъ, та запній газдо съ дѣтми зубы до стѣны.

Въ другихъ краяхъ, та груль уживаютъ, жебы скорѣ мясо стравили, а въ насъ, якъ бы ихъ не было, та бы цѣлкомъ не было што тровити.

Въ насъ, якъ сутъ грульки, а до того ищи канка молока, або даякій шкварочокъ, та ся чловеку здае, же ани въ небѣ не буде лѣпше.

Бѣдный нашъ край, бѣдный.

Въ другыхъ краяхъ людьомъ лѣпше, якъ приде, Боже заваруй, яке нещастя на край, то панство ся старатъ помочи хлопу, дае запомогу, але правдиву, помагатъ — але такъ, же чловекъ чуе тоту помôчь...

А въ насъ? Прислали до громады келя метрôвъ жита, келя пшеницѣ на продай!

„Купъ си, гваритъ, газдо, якъ ся ти ѣсти хоче“!

Та я за тоты пѣнязѣ знамъ, де зерно найти и собѣ самъ оберу, не такъ, жебы дахто послѣду назберавъ и продавъ за гроши!

То ся зве въ нашôмъ краю:

„За-по-мо-га!“

Смѣхы собѣ съ насъ робятъ.

Зѣчте же собѣ панове сами тотъ послѣдокъ, мы не маме на не пѣнязи!

Зѣчте собѣ сами, мы вамъ ищи до того петрушки даме!

Потôмъ будутъ ся предъ свѣтомъ хвалити:

„Смотте, гваритъ, якъ гевъ въ насъ хлопу добрѣ, мы го кормиме!“

Коли вы панове намъ хочете помочи — **то насъ увôльнийте отъ шиткихъ паньствовыхъ податкôвъ и додаткôвъ,** а мы зерно найдеме!

Мы не хочеме вашого николи, та вы хоцъ того року не здерайте съ насъ!

Мы и безъ вашого зерна и безъ грисъ и безъ соли ся обѣйдеме — лемъ вы обыйдте ся безъ нашихъ податкôвъ и додаткôвъ!

Такъ моисте вы! А грисы зо сôлью сами папайте!

Въ нашôй околици попремѣтували учителѣвъ: Того ту, гевсего тамъ, тамту гевъ; мы тамъ съ того великой втѣхы не маме, бо кôлько вертатъ едснъ, тôлько и другій, лемъ же декотрій мае капелюшъ або шнурôвкы при черевикахъ о грайцаръ дорожши! Бѣдны и они, бѣдны, ѣсти што не маютъ, але коли псяюха така завзята, же не доѣстъ, а о „Украïнѣ“ буде кричавъ! Стараются, жебы имъ пенсію пôдвысшили. Не дай Боже! Бо втоды бы южъ имъ нихто рады не давъ! Бо достъ теперь выдивяютъ, та штобы втоды было, якъ бы имъ такъ де о пятку пôдвысшили!

А тамъ на Балканѣ все ся ищи рѣжутъ... Несчастя отъ Бога! Они будутъ ся бити, покля ся цѣлкомъ не вымордуютъ, ажъ съ нихъ двохъ зостане, а потôмъ ищи еденъ другого забье, и буде конецъ. Бо то наши люде заззяты! Буде ся правувавъ, покля ся цѣлкомъ не росыпе, буде пивъ, покля шитко не пропье, буде ся бивъ, покля го куска стае.

Завзяты наши славяне и кьепско на тôмъ выходятъ.

Е, будте здорови гетъ тымъ часомъ. Поздравямъ тѣжъ лемкôвъ въ Америцѣ, а найперше кума Назара, што мѣ приславъ портреты.

Ваньо Гунянка.

За долго.

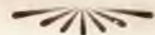
Передъ судъ повѣтовый карный въ Горлицяхъ заѣзджатъ фіякеръ, а съ повозу высѣдатъ еденъ елеганцкій паничъ.

Чи мамъ зачекати? — пытатъ ся го фіякеръ.

— Е, може вамъ буде задолго?

— О я мамъ часъ, а якъ долго паничъ тамъ забавлятъ?

— Лемъ три мѣсяцѣ...

На гофѣ.

Офицеръ до рекрута: Што бысъ ты зробивъ, якъ бысъ видѣвъ, же на твого переложеного напали цивиле и били го?

Рекрутъ: Я, я бымъ го салютовалъ.

Якъ лѣпше?

Сынъ: Повѣчте ле мнѣ няню, якъ лѣпше: ци зостати старымъ кавалеромъ, ци ся ожените?

Няньо: О, лѣпше ся оженити. Видѣшъ мое дзецко — старому кавалерови всяди зле на свѣтѣ, а чловекъ женатый лемъ дома не може вытримати.

Мудры пытаня.

Чомъ мѣсяцъ есть блѣдый?
(Бо въ ночи не спитъ).

Што можна все мати въ порожной кѣшенѣ?
(Дзюру).

ИЗДАТЕЛЬ: Д-РЪ АЛЕКСАНДРЪ ГАССАЙ. ОТВѢТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОРЪ: ИВАНЪ АНДРЕЙКО.
ЗЪ ПЕЧАТНѢ ЗИГМУНТА ТУРОВИЧА ВЪ ГОРЛИЦЯХЪ.